

«Либо ты управляешь своими деньгами и не отчитываешься ни перед кем, либо ты управляешь чужими и отчитываешься в том или ином объёме»

*О необходимых изменениях в корпоративном праве, включая регулирование крупных сделок и сделок с заинтересованностью, реорганизацию, исключение участника, отстранение директора, о вопросах бенефициарного владения и даже об уголовных арестах активов мы поговорили с **Александром Кузнецовым**, д.ю.н., руководителем группы корпоративных споров «Пепеляев Групп», профессором факультета права НИУ ВШЭ.*

Андрей Егоров: Добрый день, Александр Анатольевич! Первый вопрос: давайте представим, что я золотая рыбка корпоративного права, вы меня поймали, и у вас есть три желания, но все по предмету моего ведения. Иными словами, что, на ваш взгляд, можно и нужно поменять в корпоративном праве? Мы можем пойти по принципу, что определим сначала вещи, которые нужно поменять в ФЗ об АО, потом в ФЗ об ООО, потом в ГК. Можем рассмотреть все вместе.

Александр Кузнецов: Если бы вы меня спросили лет десять назад, я бы кучу всего назвал. Я заметил такую тенденцию – может быть, она плохая даже – чем старше становишься, тем меньше тебе хочется менять.

Но на самом деле, какие-то вещи я бы точно изменил. Например, что-то надо сделать с пониманием принципа диспозитивности в непубличных обществах.

А.Е.: Оно у нас какое сейчас? Что в нём плохого?

А.К.: Сейчас у нас диспозитивности просто нет. Общее восприятие сводится

к тому, что в тексте закона написано, – и всё.

А.Е.: Якобы только в корпоративном договоре что-то можно менять?

А.К.: Да, вот это гипертрофированное развитие корпоративного договора является очень странным. На континенте исследователи пишут, что он появился только потому, что всё было «зажато» правилами устава, а в корпоративном договоре якобы можно писать всё подряд. Но у нас изначальная ситуация даже получше, чем в Европе, потому что у нас нет необходимости согласовывать содержание уставов, а у них во многих странах это необходимо.

А.Е.: А с кем?

А.К.: Либо с государственным регистратором, либо с нотариусом. И они сидят и его вычитывают. Мы-то эту проблему для себя решили, когда в 2001 году ввели новый закон о регистрации, который говорил, что регистратор принимает то, что ему дают. И даже несмотря на это, у нас сохраняется странная ситуация. Не-

понятно, почему у нас так опасаются что-то новое писать в уставах. Любопытно, что боятся потенциальной неисполнимости, а вместо этого пишут всё в корпоративном договоре. Я видел эти корпоративные договоры: процентов 70 – это просто фантастика, которую в условном Арбитражном суде города Москвы никогда не исполнишь принудительно.

Вот эту проблему боязни писать непредусмотренное прямо законом я бы первым делом попытался решить. Но как

это поменять, точного рецепта – нет. Это, наверное, должно быть даже не постановление Пленума: прямо в законе необходимо ввести указание, что можно отступить, даже если в законе нет прямой оговорки. Вот так – «пробовать лбом». Ну и потом, конечно, нужны десятки лет обучения судей и практикующих юристов. Точно так же, как с непротивопоставимостью уставов третьим лицам¹, например. До сих пор многие сомневаются, что это реально, и думают, что читать

Александр Кузнецов

Александр Кузнецов окончил Самарский государственный экономический университет (2004–2009) и Российскую школу частного права при Президенте РФ (2011–2013). В 2021 году защитил докторскую диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова на тему защиты прав участников и кредиторов при реорганизации хозяйственных обществ.

Длительное время работая в аналитических подразделениях высших судов и на руководящих позициях в Министерстве юстиции, он оказал значительное влияние на современную архитектуру отечественного корпоративного права, выступив в период начиная с 2010 года идеологом и автором многих ключевых реформ и нововведений в этой сфере – как в законодательстве, так и в судебной практике. Так, в этот период Александр Кузнецов был основным автором всех разъяснений ВАС РФ и ВС РФ по корпоративному праву и участвовал в реализации ряда крупных реформ корпоративного законодательства (в т.ч. главы 4 ГК о юридических лицах), коснувшихся институтов исключения участника, косвенных исков, крупных сделок и сделок с заинтересованностью, права участника на информацию, права выхода из ООО, типовых уставов и др.

Александр Кузнецов является автором нескольких монографий (об исключении участника из ООО, о пределах диспозитивности корпоративного законодательства, о реорганизации), многочисленных статей в российских юридических изданиях («Вестник гражданского права», «Вестник экономического правосудия» и др.), а также ответственным редактором сборников научных статей.

В настоящее время Александр Кузнецов возглавляет группу корпоративных споров в ведущей российской юридической компании «Пепеляев Групп» и одновременно является профессором на факультете права НИУ ВШЭ, а также в качестве приглашенного преподавателя читает курс по актуальным проблемам корпоративного права в магистратуре по частному праву на юридическом факультете МГУ.

¹ П. 22 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Поменять текст закона, написать постановление Пленума – ещё не всё, что нужно. Нужно ещё побороть старые представления людей, привыкших работать в другой парадигме

устав всё равно нужно, в то время как в европейских континентальных странах это воспринимают как вполне нормальную, в общем-то, идею. Это произрастает из непонимания.

Это на самом деле то, что постигаешь, когда сделаешь пару реформ. Понимаешь, что поменять текст закона, написать постановление Пленума – ещё не всё, что нужно. Нужно ещё побороть старые представления людей, привыкших работать в другой парадигме, поэтому для них нужно проводить разъяснения.

А.Е.: Это комплекс мер, это понятно. У ВАС РФ в своё время получилось много чего нового ввести, и это сопровождалось проведением лекций.

А.К.: Да, это то, в чем обвиняли ВАС РФ: якобы они вводят новое, чтобы потом читать лекции. Да нет, друзья, если не читать лекции и не объяснять, то ничего и никогда работать не будет или будет сильно искажено. В первую очередь судей нужно переубеждать.

А дальше с диспозитивностью долгий путь, потому что начинается обсуждение вопроса «А что нельзя?» И это болезненный путь.

А.Е.: Чтобы понять, что нельзя, нужно хорошо понимать природу.

А.К.: Да, надо понимать, что корпоративное право собой представляет.

А.Е.: Ну а когда мы её не понимаем, становится тяжело.

А.К.: Нет, ну я природу понимаю и стараюсь студентам её разъяснять. Идея в том, что это просто максимально развитый договор товарищества. Такой вот он есть, его самая законченная высшая форма.

А.Е.: А если это корпорация одного лица, она как укладывается в это?

А.К.: Тогда нет проблемы взаимоотношений внутри корпорации.

А.Е.: В этой нет, но директорская проблема есть, если директор наёмный.

А.К.: Да, я понимаю, но разве из этого возникает новая проблема? Директор – это частный случай агентского договора.

А.Е.: Вы считаете, что юридическое лицо интересно только какими-то внутренними своими вопросами?

А.К.: Нет, ещё интересно, как решается проблема защиты кредиторов. Получается, что корпоративное право в законченном виде состоит из блоков: 1) отношений между участниками – это развитие идеи договора товарищества; 2) взаимоотношений с органами управления – по сути, развитие агентского договора, или же договора ведения чужого дела; 3) защиты кредиторов, которые в силу принципа ограниченной ответственности тоже находятся под риском, но это уже какая-то околобанкротная тематика.

А.Е.: Хорошо, а во всяких унитарных юридических лицах? Типа фондов. Там что такое? Что там регулировать? Контролировать, чтобы не воровали деньги?

А.К.: Сразу скажу, что про некоммерческие организации я недостаточно много читал, но я не вижу там каких-то кардинальных отличий. Там система управления должна отличаться, но это не юридический вопрос.

А.Е.: Только в корпорации есть финальные ребята – хозяева. Люди, которые «держат» это дело, то есть бене-

Если не читать лекции и не объяснять, то ничего и никогда работать не будет или будет сильно искажено. В первую очередь судей нужно переубеждать

фициары некие, и мы можем их найти, и ребята решают, может быть, даже в ущерб себе. Это их дело и их деньги, тут всё диспозитивно – их можно круто «просадить». А вот в случае с НКО? Я вот с Евгением Петровым в прошлом номере по наследственному праву обсуждал, что создали наследственные фонды, и это же ужас. Купил себе имущество, при жизни обособил в фонд, и по долгам он не отвечает.

А.К.: Это вообще фантастика – я не знаю, как это будет работать.

А.Е.: Оно, скорее всего, будет работать.

А.К.: Так, чтобы обманывать кредиторов.

А.Е.: Да, конечно. До тех пор, пока не обманут парочку крупных кредиторов, которые потом поднимут бучу, и мы будем это сворачивать.

А.К.: Чаше всего, впрочем, в России обманывают государство. Обманут пару раз ФНС, и ничего от этих личных фондов не останется.

А.Е.: Надежда опять на государство, а мы его ругаем.

Так вот, Евгений Петров мне говорит: «Я понимаю, что ты переживаешь, я с тобой согласен. Но ты на простые фонды посмотри». И я так думаю: «Кстати, да».

А.К.: Так там есть целевой контроль.

А.Е.: Смотрите, Виктор Вяткин мне рассказывал, что есть там какой-то фонд Хилтонов. Гостиницы все у этого фонда, а они НКО и прибыль не делят.

А.К.: Понимаете, в России это невозможно. В России очень строгий контроль за фондами.

А.Е.: Нет, фонд держит акции, например.

А.К.: Это должно быть оправдано целями его деятельности.

А.Е.: А что вы с ним будете делать? Ликвидировать?

А.К.: С нашим Минюстом – да, конечно.

А.Е.: А вы практику смотрели? Я просто боюсь, что они вообще не трогают эти фонды. Он живет сам по себе, налоги платит, и всё.

А.К.: Я думаю, что НКО были бы рады, если бы ситуация именно такой была.

А.Е.: Это если они в политику лезут.

А.К.: Нет, не только. Минюст, насколько мне известно, очень строго подходит. Может быть, сейчас практика поменялась, но мне об этом неизвестно. Они говорят, что занятие предпринимательской деятельностью разрешено, только если это оправдано целями, поэтому могут потребовать объяснений, как занятие определенной предпринимательской деятельностью связано с целью организации. Если, например, в документах указано, что создание фонда связано с просветительской деятельностью, то как можно связать это с владением акциями? У нас так не получится. Это выходит только у тех, кто может изолировать такие НКО от внимания Минюста, и подобные примеры в общественном пространстве есть. Но для этого нужен человек с политическим влиянием, кто сможет оградить такой фонд от Минюста. В качестве же массового кейса российское право не позволяет такое делать.

А.Е.: Ну вот знаете, Ассоциация вышестоящих РШЧП тоже зарабатыва-

---

Да никому на самом деле не нужно отдельное право концернов

ет, чтобы выживать, но ни разу никто не приходил и не требовал объяснений. У меня есть устойчивое ощущение, что даже если бы там был миллиард прибыли, никто бы не пришёл. Надо попробовать.

А.К.: Знаете поговорку «счастье любит тишину»? Это, мне кажется, до первой плановой проверки или до первой жалобы. Мне кажется, что всё-таки в качестве общего правила такое невозможно. Но повторяюсь: я не специалист по НКО.

А.Е.: Понятно. Ну там есть ещё и некоммерческие корпоративные юридические лица. Но мы сейчас в плоскости прибыль/неприбыль, а есть ещё вопросы внутреннего управления, контроля за менеджментом. То есть создал контору некую, и сам сижу на зарплате хорошей. Плачу себе миллиард, например, из прибыли фонда.

А.К.: Скрытое распределение дивидендов через фонды действительно возможно.

А.Е.: А вам не попадалось исследований по фондам?

А.К.: По фондам, мне кажется, не так давно защищалась диссертация Дмитрия Заикина в МГУ. Из тех, кто хорошо пишет про них, это он.

А.Е.: Понятно. Ладно, оставим фонды. Значит, первое, что вы бы поменяли, – это диспозитивность в корпоративном праве, в коммерческих юридических лицах прежде всего.

А.К.: Да, про НКО пока ничего не готов говорить.

А.Е.: А вот концерны, например, нет?

А.К.: Да ну, ерунда немецкая какая-то.

А.Е.: Не нравится?

А.К.: Да никому на самом деле не нужно отдельное право концернов. Просто везде, где есть какие-то вопросы, связанные с группой компаний – запрос права на информацию, оспаривание сделок, взыскание убытков с директоров, – везде возникает этот вопрос, но отдельного регулирования этого обычно не нужно. То есть рассматриваем какой-то конкретный аспект – взыскание убытков с директора. И вот вопрос: как быть, если он действовал в интересах «матери», а он директор «дочки»? Обычно, если «дочке» компенсированы эти убытки, то с директора они не взыскиваются. Какой-то специальной проблемы из этого не возникает.

Таким образом, вторым желанием я бы избрал тему оспаривания сделок. Это моя давняя борьба, поскольку у нас крупные сделки и сделки с заинтересованностью превратились в гиперразвитый институт.

А.Е.: А вы хотите «задушить» это дело?

А.К.: Я считаю, что оспаривание этих сделок допустимо только в исключительных случаях. Несмотря на все проведённые реформы, я вижу, что по-прежнему эти институты остаются главенствующими. То есть, если что-то и должно остаться, то оспаривание сделок в убыток юридическому лицу. А вот крупных сделок и сделок с заинтересованностью должно быть абсолютное меньшинство. Но я, честно говоря, не назвал бы это какой-то глобальной реформой. Уже многое сделано на этом пути, но, может быть, надо было бы ещё немного «подкрутить» закон. Я с момента реформы читаю лекции и вижу, что какие-то вещи лучше бы записаны в самом законе.

С оспариванием решений собраний тоже есть проблема, а именно – с оспа-

Реорганизация – странная процедура, которой в нынешнем виде только безрассудный бизнесмен может захотеть воспользоваться

риванием отрицательных решений собраний.

А.Е.: Когда нет кворума?

А.К.: Не только кворума. Например, ты хочешь одобрить сделку, которая объективно необходима, или хочешь устав привести в соответствие с законом, а есть лицо, которое приходит и голосует против. То есть имеется вопрос, который необходимо определённым образом решить, что на сто процентов в интересах компании, а лицо всё равно голосует против. Сейчас в законе нет решений этой проблемы, в судебной практике есть один или два кейса, где суды сказали, что решение принято, но в целом у нас такого средства защиты пока нет.

А.Е.: Либо голоса этого лица не считать просто, что-то такое я читал.

А.К.: Ну и, в-третьих, не могу не сказать про реорганизацию. У нас в законе написана архаика. Странная процедура, которой в нынешнем виде только безрассудный бизнесмен может захотеть воспользоваться.

А.Е.: Вы имеете в виду независимую гарантию, которую надо выставить в пользу кредиторов?

А.К.: Нет, не только. Это малая часть всех проблем – того, что у нас реорганизация даёт возможность требовать досрочного исполнения обязательств; что акционерам дана возможность потребовать выкупа своих акций. В своём нынешнем виде это приводит к тому, что любое общество, которое совершает реорганизацию, потенциально «подписывается» под кучу убытков. В континентальной Европе прошла волна реформ по упрощению процедуры реорганизации, потому что это способствует экономическому

выживанию бизнеса в широком смысле. Не конкретному юридическому лицу, а нескольким компаниям: например, при слияниях, когда две и более компании хотят выжить.

А.Е.: Или хотят развестись?

А.К.: Да, или цивилизованно развестись. Это легко и удобно сделать в европейской стране, а у нас это можно, но ты дорого за это заплатишь. Кто в здравом уме на это пойдёт? Отсюда развились англо-американские практики, когда компании покупают акции и доли. Так тоже можно, но ведь у нас-то есть специальное средство для этих целей, и оно не развито. Вот Е.А. Суханов обычно положительно оценивает ГК РФ. Но в предисловии моей книги он признаёт, что у нас реорганизация в неразвитом состоянии. Текущее регулирование списано с ещё советских образцов, которые не могут отвечать потребностям рыночной экономики. Реорганизация в текущем виде занимает маргинальное место, поэтому её толком никто не использует.

А.Е.: Было много злоупотреблений, связанных с этой реорганизацией всё-таки.

А.К.: Я помню, когда это было, я смотрел практику. Это связано с тем, что у нас не было нормальной системы регистрации юридических лиц, когда у нас ничего не отслеживали, когда суды ещё были в зачаточном состоянии. Это, знаете, схоже с позицией о том, что новый акционер не может оспаривать старые сделки. Я на лекциях рассказываю, что был такой способ защиты от рейдеров – «молот». Приходят бандиты, покупают акции и оспаривают. И тогда ВАС РФ решил: давайте запретим такую практику оспаривания новым акционерам. В конце

90-х и в начале нулевых это было актуально. Но с тех пор-то у нас прошла антирейдерская реформа, обеспечительные меры сейчас толком не получить. Какой смысл сейчас запрещать новому акционеру оспаривание, если он всё равно ничего толком не может, даже если захочет?

А.Е.: Понятно. Это комплексная история. Давайте мы, может, к реорганизации позже немного вернемся?

А.К.: Это просто пример. Право на информацию тоже я бы отредактировал в законе.

А.Е.: Исключение участника ещё, например.

Для тех, кто не очень подробно следит за биографией Александра Анатольевича, скажу, что он занимался исключением участника и готовил соответствующий обзор ВАС РФ², а также информационное письмо о праве участников (акционеров) на информацию³, выходили соответственно его монография по исключению участника⁴ и публикации по праву на информацию⁵ и так далее. Посмотрите, пожалуйста.

Поэтому послушать Александра как разработчика разъяснений, узнать его мнение, как смотрится это всё сейчас, мне кажется, тоже неплохо. Мы до этого дойдём, давайте сделки закончим.

Каково ваше видение на крупные сделки и сделки с заинтересованностью? Сначала крупные обсудим давайте.

В какой-то момент у нас был взгляд формальный: цифры считаем, бухгалтерия и всё в этом роде. Это жутко мне, конечно, не нравилось. Вопросы на лекциях «какую дату бухотчётности брать?» и т.д.

А.К.: Да-да, сосредотачивались на каких-то мелочах. А ведь самый главный вопрос – понять, зачем всё это вообще нужно.

А.Е.: Ну типа такой вот превентивный контроль, как металлоискатель на входе в аэропорт.

А.К.: В уставах обществ люди сами себе введут ограничения. Когда обсуждалась реформа, пришли определённые эксперты и сказали: «Давайте это вычеркнем из закона, люди сами устанавливают эти ограничения в уставе». И это действительно так, если бы смысл был только в чисто имущественном контроле. Любое здравомыслящее общество само вводило бы ограничения. Никто не доверяет директору самому совершать сделки даже на четверть активов. Поэтому это очень странный довод в пользу только превентивной функции.

А.Е.: Понятно. Ну, допустим, вот раньше была такая конструкция, потом конструкцию стали немножко смягчать, когда люди поняли, что самые главные категории споров – это признание сделок недействительными по ст. 168 ГК, а также крупные сделки и сделки заинтересованностью. Вся страна ходила по поводу них, «дрессировали юристов», повышение

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью».

³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ».

⁴ Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. 141 с. Электронная версия размещена в сети Интернет: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2576656.

⁵ Кузнецов А.А. Комментарий к информационному письму Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

квалификации, жуть в общем. Но парадигма была: «считаем цифры» в крупных сделках, сейчас парадигма изменилась. Был Пленум ВАС РФ в 2014 году⁶, потом изменения закона были, ВС РФ Пленум⁷ принял. Вы можете в части крупных сделок кратко охарактеризовать изменения этого подхода? Как сейчас целесообразно смотреть на крупные сделки? Обзор ВС РФ 2019 года, мне кажется, неплохо разъяснил всё.

А.К.: Там самый лучший критерий квалификации сделки как крупной. Как раз хотел сказать, что его содержит не Пленум, а именно обзор.

Что поменялось в регулировании? Ввели так называемый «качественный» критерий.

А.Е.: Его ввел закон?

А.К.: Да, закон, но качественным его назвал Пленум ВС РФ в 2018 году. Качественный критерий указывает на то, что в результате совершения сделки деятельность общества станет совсем другой либо вообще завершится. Конечно, этот качественный критерий был воспринят российскими юристами с предубеждением, поскольку за тридцать лет все отвыкли думать. Впрочем, критерий действительно оценочный, не совсем понятный. И вот Пленум ВС РФ предложил кое-какой критерий, не самый идеальный. Там было указано, что должна быть причинно-следственная связь между сделкой и наступившими последствиями. Я на самом деле всем на лекции рассказываю, что этот критерий дан ВС РФ для судей, которые оспаривают уже совершённую сделку, и они как бы проводят ретроспективную оценку, поэтому им удобно пользоваться этим критерием. Суды определяют, есть ли причинно-следственная связь: общество закрылось из-за того,

что пандемия началась или потому что сделку совершило?

При этом для рядового человека, юриста или бизнесмена не вполне понятно: как это оценить заранее? Поэтому обзор ввел, мне кажется, гораздо более удачный критерий: он сказал, что сделка должна быть изначально направлена на это, что в этой сделке явно подразумевалась такая цель, что деятельность общества прекратится. Пример с кредитом очень хорош. Не важно, на какую сумму, хоть на 150 процентов активов общества, заключается сделка.

А.Е.: Давайте напомним слушателям этот пример.

А.К.: Общество взяло кредит на сумму, равную 90 процентам его активов. Нижестоящий суд сказал, что это очень много, поэтому очевидно это будет «крупная» сделка. Это очень распространённое психологическое заблуждение: воспринимать крупную сделку в бытовом смысле, когда задействовано много денежных средств.

Есть известное дело об объединённой вагостроительной корпорации, где судья первой инстанции, увидев, что спор, условно говоря, на миллиард, сказал сразу, что это крупная сделка. Но количественный критерий не равноценен качественному. Для последнего должна присутствовать направленность на изменение вида деятельности или её прекращение. В этом же пункте в обзоре было сказано, что в таких ситуациях не нужно рассуждать в формате «если бы он вернул или не вернул кредит такого размера, у него бы возникли финансовые проблемы». Здесь нужны не измышления, а реальная направленность сделки. Реальная направленность, в общем-то, была раскрыта: кредит был взят на под-

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью».

⁷ Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность».

держание текущей деятельности, и с этим обществом всё в порядке.

А.Е.: А если бы этот кредит украли?

А.К.: Это ещё одно распространённое психологическое искажение, когда мы начинаем воспринимать крупную сделку как способ борьбы с воровством. Это в нас говорит плохое прошлое, потому что раньше нормы о крупных сделках использовали для того, чтобы оспаривать невыгодные сделки, но благодаря реформе ГК РФ в 2013 году у нас для этого есть специальное основание недействительности (п. 2 ст. 174 ГК РФ). Не нужно к этому привязывать крупные сделки, они для других целей.

А.Е.: То есть вы фактически способствовали внедрению внутреннего критерия, который разрушает старые представления о крупных сделках и делает их из частой проблемы очень редким явлением. Вот, например, я занимаюсь топливным бизнесом, заправками, а потом решил в электроэнергетику рвануть.

А.К.: Да, а топливные станции все решили продать.

А.Е.: Получается та самая реорганизация, перемена деятельности общества.

А.К.: Да, всё верно.

На самом деле у меня параллельно с этим критерием произошла некая внутренняя эволюция, потому что в случае с крупными сделками я настаивал на концепции квазиреорганизации, а в докторской по реорганизации написал, что реорганизация, влекущая необходимость защиты участников, должна быть именно такой, чтобы изменялась деятельность общества. То есть на самом деле всё сводится даже не к названию «реорганизация» или «квазиреорганизация», а её критерий должен быть, как и в случае с крупными сделками, качественным. Если операция изменяет деятельность общества, нам есть от чего защищать участников (акционеров) – мы должны обеспечивать им право выхода.

Так же, как и в крупных сделках. Иначе непонятно, от чего мы их защищаем.

А.Е.: Да, и там же в обзоре приведён ещё один пример, что крупная сделка может не глобально обществу вредить, а одному из акционеров.

А.К.: Это не в случае с крупными сделками. Может быть, речь была о сделке с заинтересованностью. Это толкование критерия ущерба, то есть толкование п. 2 ст. 174 ГК.

А.Е.: В пункте обзора написано, что у общества может не быть ущерба.

А.К.: За этот пункт обзор «пнули» практически все, но на самом деле в нём просто использован один из подходов к определению ущерба интересам общества.

А.Е.: Ущерб интересам есть?

А.К.: Ущерб интересам общества есть, но надо очень хитро понимать этот интерес общества: так, как его понимают не в России, а в романских странах, где считают, что интерес общества – это в том числе интересы всех его участников. Интересы эти сводятся в коммерческой организации к извлечению прибыли каждым из её участников.

А.Е.: Интерес общества в том, чтобы были довольны все участники?

А.К.: Да, все участники. Но у нас узкое понимание интересов общества, которое рассматривается как некая самостоятельная организация, и вроде как, интересы отдельных участников не имеют значения. Поэтому пришлось идти таким вот хитрым путем.

А.Е.: Коллеги-читатели, посмотрите, пожалуйста, этот пункт обзора, он любопытный.

А.К.: Поскольку вы сторонник германских правовых систем, то, на мой взгляд, там та же самая идея представлена принципом «равного отношения». То есть, когда совершается сделка, которая на самом

деле даёт больше преимуществ одному из акционеров, а другие остаются без денег, нарушается принцип равного отношения. Это один из возможных подходов, пример, когда разные догматические средства достигают одной и той же цели.

А.Е.: Пример в этом пункте был следующий: представим, что у нас с Александром Анатольевичем общество, у него 40 процентов, у меня 60 процентов. Я даю обществу заём, и потом мне платятся проценты. Заём на рыночных условиях: рыночная ставка может варьироваться примерно от 25 до 40 процентов. В рамках этого займа я получаю денежные средства (проценты), но дивиденды при этом между участниками не распределяются. Получается скрытое распределение дивидендов, и Александр Анатольевич говорит: «А зачем этот заём? Забери его, а прибыль давай делить». Я говорю: «Нет, это нормальная хозяйственная сделка». Суды примерно это и сказали: сделка заключена на рыночных условиях, убытков у общества нет, поэтому в иске отказываем. ВС РФ провёл идею о том, что здесь вроде как ущерба у общества нет, но в то же время он вроде как есть. Я бы поискал тут верную терминологию.

А.К.: Есть ущерб. Нарушается идея распределения прибыли равным образом между всеми участниками – это и есть общий интерес.

А.Е.: Тут мы исходим из той идеи, что за полученные деньги нужно платить проценты – это равный, эквивалентный обмен. Эти деньги можно было бы взять и в другом банке, и пришлось бы платить те же самые проценты (если ставка рыночная).

А.К.: Там ещё и не было необходимости в займе – дополнительный критерий добавлен ВС РФ.

А.Е.: И тут ключевой момент: если бы эти деньги взяли в банке, то это глупость

была бы, условно говоря. Если это было не необходимо, то это бессмысленная сделка для общества, которая несёт для него ущерб.

А.К.: Да, то есть оно без острой необходимости взяло заём.

А.Е.: Например, в нашей компании нормально ездить на машинах *Audi*, а я *Rolls-Royce* покупаю. Совершаю нормальную рыночную сделку, но она при этом глупая. Видимо, это имеется в виду, но тогда тут есть ущерб. Получается, здесь и проходит граница: если заём был не нужен, то есть можно было не брать эти деньги, а общество их всё равно взяло, то можно говорить о наличии убытков обществу, как в моём примере с *Rolls-Royce*.

А.К.: Правда заключается в том, что эту идею можно было бы обосновать по-разному: например, сказать про принцип равного отношения. Правда, у нас его в России особо неоткуда выводить. Пару слов где-то мимоходом сказал КС РФ, но в качестве общей идеи у нас его нигде нет, в отличие от акционерного закона Германии, например.

А.Е.: Я бы это стал называть идеей борьбы с «мажоризацией».

А.К.: Я помню эту вашу идею, да. Давайте тогда называть это принципом равного отношения.

А.Е.: Мажоризация – это когда крупный акционер перебарщивает, условно. Я это так понимаю. Когда он увлётся и совершенно в грош не ставит другого акционера. И хотя у другого акционера 40 процентов акций, мажоритарий всё равно делает по-своему. Предположим, они приняли решение, например, о покупке люксовой техники для директора, или решение снять какой-то очень дорогой офис в кризисные времена. То есть здесь акционер, у которого 60 процентов, предлагает арендовать офис на Тверской. И тут у моей ком-

пании убытки, на самом деле от этого решения, которое зачем-то нужно мажоритариию.

А.К.: В чём здесь сложность: когда кредит дают, то вроде бы компания что-то приобретает, а когда дают на условиях, лучших, чем в банке, то никто не задаётся вопросом о том, зачем вообще кредит. Это формальное понимание ущерба интересам...

А.Е.: Всё правильно. Я такой же пример привёл, по рынку. Зачем нам офис площадью 500 квадратных метров, если нам хватит 20? Это ведь глупая сделка. Здесь же будет агентская ещё проблема: зачем директор совершает такую сделку? Но кроме того, я ещё и мажоритарий, который этому всему поспособствовал. Вы бы как здесь боролись с таким мажоритарием? Через оспаривание решения или привлечение участника за то, что он «продал» эту сделку?

А.К.: Если нет личной выгоды, я бы настаивал на том, что имело место нарушение интересов общества.

А.Е.: А вы назвали бы эту глупую трату ущербом? По рынку, но на то, что не нужно.

А.К.: Я бы назвал, но в российском понимании это сложно признать нарушением интересов общества.

А.Е.: Наше – не наше. Сейчас поработаете ещё годик-два, и будет наше.

А.К.: Статья 174 ГК «заточена» в силу примитивности нашей практики в основном на те случаи, где есть убыток у общества, а такие более тонкие кейсы, как мы с вами обсуждаем, суды не видят – это очень сложно объяснить.

А.Е.: Допустим, контрагента трогать не надо.

А.К.: Кстати, да. Статья 174 ГК на самом деле появилась из-за бессилия и безвыходности ситуации, поскольку статья со злонамеренным сговором

не работала. Тогда придумали, что злонамеренный сговор следует доказывать через заниженную цену, то есть речь идёт о тех условиях, когда понятно, что стороны сговорились. А в том кейсе, который вы описали, нет сговора. Контрагент, возможно, вообще не при делах. Сделку по статье 174 ГК мы не сможем оспорить в том виде, в котором она у нас сформулирована.

А.Е.: Но мы, может быть, сможем оспорить решение собрания? То есть пойти в суд и сообщить, что крупный акционер обнаглел.

А.К.: Это будет иметь ограниченный эффект. А если сделка уже совершена, что с ней делать?

А.Е.: Убытки только. Это следующий уже вопрос.

А.К.: Обзор охватил только ту уникальную узкую ситуацию, когда сделку можно оспорить, когда у акционера есть выгода и существует упречность в отношении его. Но в целом это также можно назвать ущербом интересам общества, потому что сделка не необходима, и акционер знает об этом. Он, более того, извлекает из этого прибыль.

А.Е.: Да. То есть в этом плане тогда тезис в обзоре можно немного пошире взять: ущерб есть, потому что бессмысленная сделка.

А.К.: Всё-таки, мне кажется, было очень много упреков этому делу в обзоре.

А.Е.: Я не вчитывался и упреки не смотрел.

А.К.: В общем, понятно, что эту идею ещё нужно кристаллизировать.

А.Е.: Я читаю в обзоре, что нет ущерба, а потом думаю, что так же решил бы, как и суд.

А.К.: Получается, что интерес общества включает интересы участников.

А.Е.: Интересно, конечно. Ещё маленький вопрос, пока не ушли от крупных сделок. Вы идею о том, что, если одобрена крупная сделка, право выкупа у акционеров поддерживаете, которое у них есть?

А.К.: Если они голосовали против?

А.Е.: Да.

А.К.: Если по букве закона это действительно крупная сделка, которая изменяет бизнес общества, то не вижу ничего плохого. В таком виде должно оставаться право выкупа.

А.Е.: А если принято решение, которое потом оказалось недействительным, или его как-то «спустили на тормозах», право выкупа тоже исчезает?

А.К.: Да, конечно.

А.Е.: Я понял. То есть приняли решение, а эти побежали выкупать, а потом общество говорит, что отменяет решение, и никакого выкупа.

А.К.: Через новое решение об отмене.

А.Е.: То есть здесь какой-то охраняемой надежды на выкуп нет?

А.К.: Нет, это же не способ обогатиться.

А.Е.: Я понял. С идеологией крупных сделок понятно, эти математические высчитывания 25 процентов активов в прошлом меня, конечно, умиляют. Хорошо, что мы это победили или на пути к окончательной победе. Тогда от этого я бы предложил уйти в тему юридического адреса, в тему, которой вы тоже занимались. Как вы думаете, правильно ли было то, что в Пленуме⁸ написали, или не стоило такого делать. Эти все современные выходы налоговых проверяющих, проверка, реально ли по адресу находятся директор и сотрудники?

А.К.: Этого в Пленуме не было. Это написали в законе. В Пленуме было очень аккуратно написано, что если регистрация по месту заведомо недостоверна или имела место массовая регистрация (когда юридическое лицо регистрируются, условно, по адресу Минобороны или Кремля), то в регистрации можно отказать.

Сейчас, я думаю, если человек так сделает, к нему уже бригада скорой медицинской помощи будет выезжать. Конечно, закон о регистрации, будучи плодом такого максимально либерального подхода, – что мы регистрируем всё и ничего не проверяем – оказался неработоспособен. Пленум поэтому говорит, что в случае откровенной ерунды регистрировать юридическое лицо не надо, а остальные случаи налоговая всё-таки не проверяет. Мне кажется, что мы таким образом защищаем общества, напротив, от административного произвола.

То, во что это всё выродилось, стало следствием действий тех, кто пришёл к этой теме в ФНС, и кто всеми этими регистрациями занялся – так, сейчас там применяется откровенно полицейский подход. Я думаю, что с таким подходом в России не стоит ждать нового *Apple*. Вы же знаете, что они изначально в гараже создавали компанию?

А.Е.: Ну да... Я сейчас всё больше думаю, что даже эти массовые регистрации не имеют значения. Какая, собственно, разница? Если юридическое лицо письма получает по своему адресу, так и должно быть.

А.К.: Верно. Это одна из концепций, которую проводил Пленум: главное – чтобы общество получало корреспонденцию. А вот эти странные идеи, что по адресу должен сидеть директор и тому подобное, – это не очень понятная гражданско-правовая цель.

⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица».

Прямо сейчас единственный способ, как мне кажется, – это развинтить максимально все вентили, которые завинчивали административно

А.Е.: Но чиновник при этом в экстазе. В этом плане система, конечно, подвела. А как вы считаете, можно сделать юридическим адресом квартиру, если говорить глобально?

А.К.: Не вижу в этом проблемы.

А.Е.: Допустим, я директор компании, и я прошу просто присылать почту мне по адресу, где я живу. Мне тоже кажется, что это нормально. Это облегчит людям жизнь.

А.К.: В связи с происходящим, кстати, меня посещала мысль, что многие вещи встречали такое глухое сопротивление... Ведь какой государственный орган согласится на ограничение своих полномочий? Это противоречит закону бюрократии. Но прямо сейчас единственный способ, как мне кажется, – это развинтить максимально все вентили, которые завинчивали административно. Я не говорю сейчас про какую-то политическую составляющую, а именно про условия ведения бизнеса, чтобы всё это расцвело и смогло как-то заместить ушедшее. Это возможно в том числе в такого рода мелочах, как регистрация бизнеса.

Это не единственная сфера, где государственные органы продвигают свои позиции. Например, ЦБ РФ в отношении акционерных обществ в течение последних пяти лет явно испытывал «административный восторг». Закон об АО – ему, конечно, до Закона о банкротстве далеко, – но тоже превращается в такую «толстуху». Это всё почему? Потому что ЦБ РФ говорит, что даже в непубличных компаниях разрешено только то, что написано в законе. Это отлично, ведь в таком случае они всегда будут нужны, поскольку невозможно описать живую жизнь в императивных предписаниях,

поэтому они будут каждый год собирать предложения, изображать работу, разрешать что-то, так что сейчас они создают задел на десятки лет вперед. А если это убрать и перейти к другому принципу – принципу диспозитивности в непубличных компаниях – то есть к тому, с чего мы начали, думаю, стало бы очевидно, что в таком объёме не нужен аппарат ЦБ РФ, по крайней мере в той части, которая занимается корпоративной сферой.

А.Е.: Понятно. Ещё один вопрос: Обзор говорит про очевидно полезное для общества решение, против которого проголосовал мажоритарный участник. Разве можно это оценивать со стороны?

А.К.: Тут опять возникает старая дилемма – можно ли исключать участника за то, что он как-то не так голосовал? Встречались примеры однозначно недобросовестного голосования. Например, банк не давал обществу кредит, требуя привести уставный документ в соответствии с законом. Вот такие требования от ЦБ РФ, что с ними можно поделаться? А у общества уставный капитал – условные 100 рублей, и участник с блокирующей долей говорит: «Нет, мне не надо приводить уставный документ в соответствии с законом». Вот в таких случаях можно негативно оценить его решение. Я не говорю, что такая же логика должна работать там, где есть область дискреции, – например, в области выбора директора. Но в упомянутом примере сказать, что совсем невозможно исключить участника, когда он голосует явно против интересов общества, – означает закрыть глаза на реальность.

А.Е.: Когда такие решения принимаешь, боишься открыть ящик Пандоры.

А.К.: У нас есть идея защиты делового решения, она работает много где: и в исключении, и в оспаривании решений.

А.Е.: Насчёт исключения участника: мы сейчас готовим сборник статей о юридических лицах за три года, и про исключение участника – почти самая хитовая тема. И там разные статьи есть: исключение мажоритария и много другого интересного. Но у меня такое ощущение сложилось, что у нас нет одного простейшего решения, из-за которого мы мучимся довольно сильно. Принятие решения об исключении участника само по себе не должно приводить к прекращению участия, такое прекращение должно наступать только после получения участником денег, на которые он вправе претендовать. А не так: сначала исключаем, а потом он два года доказывает действительную стоимость доли, в то время как мы её занижаем и продаем активы. Такое количество суеты у нас по поводу этого оспаривания происходит, хотя, казалось бы, можно решить так просто.

А.К.: Если раньше я думал, что упомянутая проблема связана только с исключением, то сейчас понимаю, что это проблема правового статуса любого лица, которое обладает правом требования выплаты действительной стоимости доли. На самом деле и с наследниками то же самое, и с супругами участников. Это однородные вопросы. У нас закон говорит в ряде случаев: «Вот тебе не доля, а деньги». Но это ведь не твёрдая выплата. По сути, ты зависишь от того, что происходит в обществе, и они могут начать выводить активы и т.д., а ты вынужден сидеть и наблюдать за этим. Это странно. Нужен какой-то выработанный общий правовой режим, чтобы такой человек, в отличие от обычного кредитора, мог и сделки оспаривать, и решения собраний, ведь это корпоративное требование, а не чисто денежное.

А.Е.: То есть у него присутствует элемент корпоративного статуса?

А.К.: Да, как минимум. Мне ближе именно это решение. Странно говорить, что он обладатель только права требования. Он участник, просто лишённый возможности голосовать.

А.Е.: У немцев он может всё делать, и голосует, и всё делает, чтобы ему побыстрее заплатили.

А.К.: Я считаю, что это тоже перегиб. Если мы его исключили за то, что он негодяй, а он будет ходить и голосовать...

А.Е.: Поэтому ему надо заплатить.

А.К.: Мне такое решение не близко, потому что человек, допустим, выводил активы, довёл общество до банкротства, потом его исключили, а он ещё и пришёл с требованием выплаты действительной стоимости доли. А они потратили четыре года жизни на то, чтобы завершить эту историю, и хоть как-то вернуть активы, которые он выводил. И теперь он будет и дальше ходить и голосовать? Я видел такой реальный кейс. Должны быть защитные меры, чтобы не нарушалось его право на выплату стоимости доли, но не более того, – некий ограниченный статус квазиучастника.

А.Е.: Какой-то элемент типа синаллагмы, получается. Похоже на обязательственную тему. Сначала первый исполняет ему, потом он. Немцы что-то такое придумали. Если бы в России так поступили, то это много бы проблем смогло разрешить, на мой взгляд. Ещё я хотел спросить: а право на информацию как вы хотите исправить?

А.К.: То, что у нас произошло с акционерными обществами... Это трагедия.

А.Е.: В части информации?

А.К.: Да, задушили это право, можно сказать, особенно в публичных обществах. Это какое-то недопонимание того, как это работает на Западе. Все ссылаются и говорят: вот, в западноевропейских странах тоже значительно ограничено право на информацию.

В России решение сделать директором «умного честного человека» встретится с проблемой, обозначенной Александром II, который, обдумывая реформу административного аппарата, говорил:

«А откуда мне взять столько умных и честных людей?»

А.Е.: Да, у немцев, я видел, довольно ограничено.

А.К.: Это неправда. У них есть возможность назначить специальное лицо, аудитора, который по запросу всё получит. Ты можешь прийти в общество и сказать: «Знаешь, я думаю, ты ворует, покажи документы». Он говорит: «Не дам, секрет фирмы». На это ему отвечают: «Ну и отлично, тогда я ставлю вопрос о назначении специального аудитора», а он связан обязанностью неразглашения, ему нельзя отказать в предоставлении документов. И если общество (совет директоров или общее собрание) отказывается предоставлять документы, то суд может сказать: «Похоже на то, что там и вправду что-то неладное, пусть аудиторы посмотрят».

Я долгое время считал, что то, что произошло в России, имеет оправдание. Смотрел на аналогичное право на информацию в других правовых порядках, и выходила самая классическая ошибка сравнительного правоведения – когда ты сравниваешь вроде бы похожие институты, а на самом деле забываешь, что есть какой-то дополнительный институт, который подстраховывает интересующий тебя институт. Ровно то же самое с правом акционера на информацию – у нас есть «дохлое право» на назначение специального аудитора, но его никто в жизни не использует, непонятно, как его назначать, кто оплачивать будет и т.д.

Эту выпавшую функцию у нас выполняло право самого акционера на информацию. Теперь это право «придушили». Как теперь акционеру получить информацию – вообще непонятно. Общества

мотивируют отказы в предоставлении документов тем, что это вредит коммерческим интересам. А как тогда понять, ворует лицо или нет? Они отвечают, что сами разберутся, но так ведь не бывает. Либо ты управляешь своими деньгами и не отчитываешься ни перед кем, либо ты управляешь чужими и отчитываешься в том или ином объёме. И сложившуюся систему в акционерных обществах надо, конечно, переписывать. В ООО более-менее всё нормально работает, хотя, может быть, можно даже немного ограничить это право. А в акционерных обществах надо вводить нормальное регулирование.

А.Е.: Ещё один вопрос в корпоративном праве давно меня волнует, пока в этой области нет движения. Это имеющаяся на Западе возможность отстранять директора, если есть какие-то сомнения в отношении него, и назначать судом временного администратора, управляющего. Ведь бывают ситуации: я, например, мажоритарий, вы – миноритарий. Я поставил первого человека – он ворует. И вы пытаетесь его отстранить. Возникает проблема: я его не даю отстранить, а он ворует, но формально не в мою пользу активы выводит, но мы предполагаем, что раз я всё это согласую, то он со мной в доле. Иными словами, в конверте мне приносит львиную часть украденного. Здесь та же самая проблема мажоризации может помочь, сказав, что мажоритарий обнаглел.

А.К.: А это, кстати, вопрос оспаривания отрицательных решений собраний. Мы проводим собрание о прекращении полномочий, вы (мажоритарий) говори-

те, что не поддерживаете такое решение. А я иду в суд и говорю: акционер действует явно...

А.Е.: Действует против интересов общества. И что дальше?

А.К.: Формально это сейчас выглядит абсурдно. Заявление иска о взыскании убытков с директора не приводит к тому, что он как-то ограничивается в полномочиях или прекращает свои полномочия. То есть можно взыскать с директора 100 миллиардов, а он сохраняет свои полномочия и продолжает работать даже после вступления решения суда в силу. Это абсурдно, как такое возможно?

А.Е.: Иногда бывает, что потом такие директора от имени компании пытаются отозвать исполнительные листы против самих себя

А.К.: Эту-то проблему Пленум ВАС РФ № 62 и решает. Сам акционер выступает взыскателем. Но то, что директор продолжает управлять, приводит к вопросу: а убытки в пользу кого взыскиваются? Ведь он может сказать: взыскивайте в пользу общества то, что я украл, а я ещё украду.

А.Е.: Здесь, наверно, как раз отстранение бы неплохо вписалось, если бы очевидно было доказано, что директора надо отстранять.

А.К.: И назначать кого-то нового.

А.Е.: Здесь, правда, возникает проблема, что у меня таких подставных директоров может быть много. Поэтому мы в этой ситуации подходим к проблеме, что если нет доверия к участнику, то надо назначить временного директора.

А.К.: Да, такая мера нам нужна, очевидно. Просто есть риск того, что она коррумпционируется. В России решение сделать директором «умного честного человека» встретится с проблемой, обозначенной Александром II, который, обдумывая реформу административного

аппарата, говорил: «А откуда мне взять столько умных и честных людей?»

А.Е.: Я согласен. Ещё один вариант, который здесь возможен: это у нас, условно говоря, 50 на 50 процентов. Директор умирает, мы не можем договориться, в компании убытки. Или один участник куда-то уехал, а вам не хватает одного голоса до кворума. И тогда что делать? Если невозможно избрать, как поставить временного? Должна же быть какая-то процедура, которая назначит временного директора.

А.К.: Да. Но главное не забывать, что это временный директор. И нельзя через суд назначить его навсегда и в таком режиме жить. Если они не могут так жить, то придётся ликвидироваться и разделиться.

А.Е.: Временный может консервировать ситуацию.

А.К.: Да, текущую деятельность. Но если развитие общества дальше невозможно, то всё – ликвидация.

А.Е.: У него должны быть зауженные полномочия. Крупные сделки он так не сможет совершать.

А.К.: Да. Он должен вести ordinaria деятельность, следить за тем, чтобы работникам платилась зарплата и прочее.

А.Е.: Реанимация, поддержание деятельности общества.

А.К.: Они, может быть, помирятся в результате этого. А если нет – ликвидация.

А.Е.: Понятно. И, наверно, последняя тема – это вопросы бенефициарного владения, через третьи лица и прочее. Как вы к этому относитесь? Вскрытие корпоративной вуали по классике зарубежной, как я её себе вижу, происходит в пользу кредиторов. Но вот если ты создал такую «матрешку» и сидишь наверху, то...

А.К.: Вы хотите спросить про право бенефициара оспаривать сделки...

А.Е.: Да, косвенные, деривативные иски.

А.К.: Я категорически против. Я допускаю это только в ситуации, если во всех обществах у лица сто процентов – сто процентов – сто процентов долей участия. В остальном эта дискуссия была лет пять-семь назад.

А.Е.: Ну, мы переписывались три года назад. Там было дело ООО «Разрез Аршановский».

А.К.: Я просто не понимаю, как такое допустимо. Причём там в цепочке могут быть иностранные компании, а мы говорим: «Не важно вообще, о чём они там договорились, какое у них применяется право». Мы в России умнее всех, мы же защищаем «справедливость». А кто сказал, что это справедливость? Может, у них есть договоренности внутри, что этот вопрос решает специальный человек.

А.Е.: Понятно. Не хотели современную ситуацию обсуждать, но куда от неё деться? Недавно обсуждали с одним ведущим практиком, не вылезавшим из крупных корпоративных споров, эту проблему. Он говорит: «С другой стороны, понятно, что эта схема принадлежит российскому бенефициару, и сидит он в России, но было принято решение сделать это через пару офшоров – на Кипре и где-нибудь ещё. И в долях/акциях у него всё по 100 процентов». Можем ли мы говорить, что, по сути, это всё его? То есть не обратиться взыскание на акции офшора на Кипре по долгам этого человека, а сразу обратиться взыскание на его активы – российскую компанию, формально принадлежащую не ему.

А.К.: Нельзя, там же могут быть другие кредиторы.

А.Е.: А если нет кредиторов? Я имею в виду, гипотетически выстроить...

А.К.: Чтобы понять, есть ли кредиторы, надо проводить банкротную процедуру

и выяснять, на каком там этапе они появятся.

А.Е.: Это опасная очень вещь.

А.К.: Это как с наследниками – а давайте сразу ему отдадим, потому что других наследников нет. На самом деле, только если в течение шести месяцев никто не заявится, можно отдавать наследство тому, кто пришёл.

А.Е.: Ну да. И тут, конечно, есть обратная история, то есть он может сам прийти и признаться, что он реальный бенефициар. Но ему на Кипре всё заблокировали, и он предложит признать право на все активы за ним, а не за этими конторами, ведь они ему принадлежат. На самом деле тут происходит удвоение собственности. Допустим, есть какой-то офшор на Кипре, которому принадлежат акции российского нефтеперерабатывающего завода. Лицо говорит, что на самом деле этот офшор принадлежит ему, приводит доказательства и предлагает его считать владельцем акций российской компании. И тем самым перейти под российскую юрисдикцию, обменяв сто процентов акций офшора на сто процентов акций Петра Петровича. Как вам такая схема?

А.К.: Меня волнуют кредиторы в компаниях-прослойках, а также иностранное банкротство.

А.Е.: Ну хорошо, дайте в их пользу залог этих акций, в силу закона. Что-то такое. У меня такое ощущение, что это будет продумываться, судя по всему, и лучше, может, самим придумать, чем ждать, пока придумают?

А.К.: Не знаю, не думал на эту тему. С ходу не могу сказать.

А.Е.: В общем, вам не очень нравится, когда сам бенефициар выстроил такую структуру, а потом сам пытается через неё перепрыгнуть...

А.К.: Да, совершенно точно.

А.Е.: В другую сторону можно, а так вот – нет... У меня примерно такое же мнение. И последний штрих. Я недавно столкнулся с проблемой так называемых уголовных арестов и увидел интересное явление. Представим себе такой пример. Меня подозревают в чём-то правоохранительные органы. У меня есть ООО. И правоохранительные органы считают, что я это ООО украл, что-то не то с ним. Или просто причинил вред кому-то. Что они арестуют? Долю моего участия в ООО. Допустим, она составляет 100 или 80 процентов. Но дальше они накладывают арест не только на долю, но ещё и на активы юридического лица, потому что они понимают, что доля, может быть, и не изменится, а если активы выведут, то доля не будет стоить ничего. Их логика в целом понятна. Но с другой стороны, они ведь тем самым парализуют деятельность общества. И вот я выдвинул идею в статье про уголовные аресты, что это вообще новый вид деривативных арестов, при которых происходит другой арест: что арест начальных активов на самом деле не ограничивает распоряжение этими активами, а заставляет сохранять баланс. Условно говоря, если активов на 200 миллионов, пассивов на 50, то я могу что-то поменять там в рамках обычной деятельности, сохраняя при этом итоговый баланс.

А.К.: Да, на ординарную деятельность такие аресты не должны распространяться.

А.Е.: В конкретном деле, на базе которого я стал статью писать, заблокировали выплату кредита банку. В залоге было имущество, банк его взял в залог давно, в обеспечение кредита. Кредит не могут вернуть, но и при этом реализовать предмет залога не могут – продать эту недвижимость, потому что всё заблокировано, наложены аресты. Это ведь тоже как-то, по-моему, отдаёт проникновением за корпоративную вуаль, так как здесь арестовываются не только

прямые активы бенефициара, но и учитывается, что он опосредованно владеет активами этого ООО.

А.К.: Может, здесь такая должна быть идея: когда арестовываются корпоративные права, должен на самом деле производиться не арест, а вводиться доверительное управление?

А.Е.: Тогда получается – временный управляющий, директор увольняется? Или управляющий долями?

А.К.: Управляющий долями. Директор остаётся. Тем более если арестованная доля не равна 100 процентам. Достаточно взять независимого управляющего долями.

А.Е.: Чтобы он следил за директором?

А.К.: Да, если что – чтобы он сразу его заменил.

А.Е.: А главное, в практике уголовных следователей это повально происходит. Во всех случаях, когда арестовываются доли, они «зачищают» сразу эти цепочки, но одновременно блокируют всю деятельность юридического лица.

А.К.: Так бизнес и рушится.

А.Е.: Ну да, у юридического лица встает вся деятельность. Доля-то, может, будет либо моя, либо другая, бизнес всё равно должен идти. А он уже разрушен из-за того, что нет конструкции, которая их интерес бы тоже могла учитывать.

А.К.: Надо очевидно менять УПК, чтобы это была какая-то обеспечительная мера в виде назначения управляющего долей.

А.Е.: Что-то такое надо придумать, не знаю, кто это может придумать и когда, но интересно.

А.К.: Ну, слушайте, И.Н. Трепицын вот свою книжку написал, и через сколько лет она оказалась актуальной? В.А. Рясенцев в 1948 году защитил докторскую, а когда её начали читать и преподавать

широко? Я, конечно, не хочу сказать, что у нас такое же время и только лет через пятьдесят будет актуально то, что мы обсуждаем сейчас, но...

А.Е.: На этой жизнеутверждающей ноте мы откладываем разговор про реорганизацию на следующий раз. Думаю, можем как-нибудь продолжить. Через годик, скажем. Заодно всё утрясётся.

А.К.: Лет через семьдесят.

А.Е.: Если меня гениальная инженерия сохранит лет на семьдесят, я буду только за. Вернёмся и ещё пообсуждаем. Заодно посмотрите, может, ваши идеи начнут работать или, наоборот, практика ещё дальше будет идти в неправильном направлении.

Читайте книги Александра Анатольевича, растите, а мы ждем в «Цивилистике» его публикации. Спасибо большое за обсуждение!

7 апреля 2022

Беседовал Андрей Егоров, главный редактор Журнала

Редакция благодарит Родиона Гренадерского и Екатерину Яранову за помощь в подготовке печатной версии интервью

